СОЦИОЛОГИЯ МИГРАЦИИ

В.В. Костенко

ТЕОРИИ МИГРАЦИИ: ОТ АССИМИЛЯЦИИ К ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМУ

В данной работе рассматривается история изучения миграции в мире начиная с Чикагской школы (1910–1920-е гг.) и заканчивая современными тенденциями развития миграционной теории. Описывается история развития теории ассимиляции, концепция «плавильного котла», а также ее критика, появившаяся в 1960-е гг. Рассматриваются пересмотренная теория ассимиляции (Верба, Ни, Моравска) и теория сегментной ассимиляции (Портес, Румбо, Чжоу, Уотерс), являющиеся позднейшими разработками в данном направлении. В статье приводятся также основные европейские теоретические парадигмы миграции: мультикультурализм и транснационализм (Глик Шиллер, Фонер, Вертовец). Помимо этого указывается на противоречия американского и европейского подходов в исследованиях миграции по некоторым аспектам, таким как влияние религиозности на успешность интеграции (Фонер, Альба, Ван Туберген). Эта статья ставит своей целью рассмотреть только западноевропейские и американские теории миграции. Российские исследования, берущие начало в ранней советской социологии 1960-х годов и активно продолжающиеся до сих пор, не попали в рамку данной работы.*

---

* Российские исследования миграции в послевоенный период разделяются на советские и постсоветские. В конце 1950 — начале 1960-х гг., одновременно с возрождением социологии в СССР появляются работы В. Переведенцева (Переведенцев 1966), Ж. Зайончковской (Зайончковская 1964), а в 1970-е годы Б. Хорева (Хорев, Чапек 1978) и Т. Заславской (Заславская, Рыбаковский 1978), во главе с которой центр изучения миграции в Сибири стал к концу 1970-х гг. крупнейшим в Советском Союзе. В то же время, как отмечает Л. Рыбаковский (Рыбаковский 1996: 228), несмотря на разработанность теоретического и методологического аппарата, эти исследования скорее были посвящены мобильности населения, а не трансграничной миграции. В постсоветский период следует отметить работы А. Вишневского (Вишневский 2013), В. Мукомеля (Мукомель 2012), Е. Тюрюкановой (Миграция в России 2013), Д. Александрова (Александров и др. 2012), М. Денисенко (Denisenko 2013), которые создали значительную базу для изучения современной миграционной ситуации в России, однако эти исследования остаются по преимуществу эмпирическими.

Костенко Вероника Викторовна — научный сотрудник Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ (vvkostenko@hse.ru)

Veronika Kostenko — Research Fellow, Laboratory for Comparative Social Research, Higher School of Economics, Russia (vvkostenko@hse.ru)

Это связано с тем, что изучение миграции в России остается эмпирически ориентированным, а также с тем, что российские источники хорошо известны отечественному социологическому сообществу, и то время как наблюдается некоторый дефицит знания о современном положении дел в теории миграции в мире, который данная статья призвана в некоторой мере восполнить.

Ключевые слова: *миграция, теория ассимиляции, теория сегментной ассимиляции, мультикультурализм, транснационализм.*

Теория ассимиляции, ее критика и развитие

Исследования мигрантов в Америке зародились еще в начале XX в. после «великой миграции», происходившей в 1910-е — 1920-е гг., и во многом совпали с зарождением американской социологической науки в целом. Первыми учеными, работавшими в этом направлении, были Р. Парк и другие представители Чикагской школы. Они начали публиковать работы, посвященные отдельным этническим группам иммигрантов в Америке, положению афроамериканцев, дискриминации, межнациональным бракам и т. д. в «Американском социологическом журнале». Первая научная работа, детально анализирующая парадигмы интеграции европейских мигрантов, «Польский крестьянин в Европе и Америке», относится к 1918 г. и считается социологической классикой. Описывая особенности польской глубинки, исторические причины и социальные механизмы миграции, а также истории отдельных людей после эмиграции в США, авторы приходят к выводу, что поляки ассимилируются, но остаются «американцами польского происхождения» (Thomas, Znaniecki 1996 [1918]).

Роберт Парк разработал теорию ассимиляции мигрантов, которая в большой степени повлияла на дальнейшее развитие этого направления исследований (Park 1950 [1913]). Согласно его концепции, известной как цикл расовых отношений (Race Relations Cycle), существует 4 этапа на пути ассимиляции, через которые проходят все люди, попадающие в новое общество. Первый этап — это контакт или знакомство. Затем следует конфликт или соперничество, потом попытка аккомодации. После того, как эта попытка не удается, человеку не остается ничего, кроме как ассимилироваться с принимающим обществом.

Парк и Берджесс выработали концепцию ассимиляции в результате многолетней полевой работы. Они исследовали этнические сообщества Чикаго, и сам город стал их лабораторией. При этом они не разделяют этнические меньшинства и мигрантов из Европы, рассматривая их как схожие группы. По их мнению, и польские крестьяне, и чернокожие американцы переехали из аграрных районов в городские гетто, что позволяет применять к ним единую рамку исследования (Pedraza, Rumbaut 1996).

Одной из классических работ по ассимиляции стала книга Ллойда Уорнера середины 1940-х гг. «Социальные системы американских этнических групп». В ней был выдвинут тезис о том, что этнические группы в Америке — это временное явление, и они неизбежно ассимилируются с американцами благодаря

равным для всех законам и системе социальной мобильности. При этом авторы полагали, что мигранты должны «отбросить свои ценности и представления, воспринимающиеся новым обществом как второсортные, чтобы в полной мере усвоить новую культуру» (Warner, Srole 1945: 17). В этой же книге авторы связывали скорость ассимиляции с расой и религией, полагая, что представители англосаксонской культуры ассимилируются быстрее всех, а «негры и мулаты» — медленнее.

Теория Парка легла в основу книги Милтона Гордона «Ассимиляция в американской жизни», написанной в начале 1960-х гг. В этой работе Гордон формулирует 7 типов ассимиляции: аккультурация (принятие норм, ценностей и образа жизни нового общества), структурная ассимиляция (включение в институты общества), брачная ассимиляция и идентификационная ассимиляция (когда возникает чувство единения скорее с принимающим обществом, чем со своей родной страной). Также он выделяет поведенческую и ценностную ассимиляцию, и, наконец, гражданскую (civic) ассимиляцию, когда человек больше не испытывает конфликта внутренних представлений и ценностей принимающей культуры (Gordon 1964).

Здесь важно заметить, что в те годы ассимиляция представлялась как единственный, естественный и неизбежный способ включения представителей иных культур в общество. При этом англосаксонская культура понималась как доминирующая и главная, а мигранты должны были, как предполагалось, искать способ встроиться в нее как можно скорее, вне зависимости от их исходной идентичности. Описанные выше теории объединяются в единую концепцию «плавильного котла».

Как пишет Портес в статье «Стремления иммигрантов» («Immigrant Aspirations»), к концу 1960-х гг. теория ассимиляции сменяется новым подходом, делающим акцент на изучении этничности и этнических групп (Portes, McLeod, Parker 1978: 219). Это было в первую очередь связано с тем, что американское общество столкнулось с новыми вызовами в ходе борьбы за права. Если в 1920–1930-е гг. иммигранты, прибывающие из Восточной Европы и России, воспринимались как угроза или, по крайней мере, как новый феномен, нуждающийся в изучении, то в 1960-е гг. эти проблемы отошли на второй план. Кроме того, поколение «великой миграции» уже тем или иным образом интегрировалось, и экономически активной частью общества стали их дети.

Концепция «плавильного котла» стала все больше подвергаться критике. Наиболее известной работой в этом направлении считается книга Н. Глейзера и Д. Мойнихана «Вне плавильного котла» («Beyond the Melting Pot»). Авторы книги заявили, что этнические различия продолжают играть важную роль, что дискредитирует теорию «плавильного котла» (Glazer, Moynihan 1970). К 1970 г. прошло уже достаточное время, чтобы оценивать степень интеграции поколения «великой миграции» и их детей. Эта работа обозначила глобальную смену концепции. Социальные изменения 1960-х гг. в Америке вызвали бурный интерес к изучению меньшинств и их вклада в американскую культуру. Конформность мейнстриму перестала восприниматься как путь, обязательный для всех мигрантов.

Кроме того, в это же время проходила так называемая четвертая волна миграции, когда в США прибывали в основном представители азиатских и латиноамериканских стран (Reimers 1985). В отличие от трех предыдущих волн, эти люди попадали в постиндустриальное общество, в связи с чем менялись паттерны их поведения и способы адаптации, что потребовало нового уровня социологического анализа.

В течение многих лет теория ассимиляции не использовалась в социологической науке в связи с ее этноцентризмом и идеологической нагруженностью. На смену ей пришли другие концепции, такие как интеграция, мультикультурализм, транснационализм. Но термин не ушел из американской социологии полностью, и в конце 1990-х гг. появились новые исследования ассимиляции. Во-первых, это теория сегментной ассимиляции, которую разрабатывают А. Портес, М. Чжоу, Р. Румбо и ряд других ученых. Во-вторых, это работы Ричарда Альбы и Виктора Ни и также группы их коллег, в которых ассимиляция переосмысливается и вновь используется в качестве теоретической рамки (Alba, Nee 2003).

Пересмотренная теория ассимиляции

Пересмотренная теория ассимиляции, появившаяся в конце 1990-х — начале 2000-х гг., представлена несколькими крупными именами, важнейшие из которых — это Р. Альба и В. Ни. Эти авторы предпринимают попытку реабилитировать теорию Гордона, утверждая, что, несмотря на известные недостатки, она до сих пор применима для анализа современной миграции, хотя и с существенными дополнениями. Они полагают, что представители этнических групп оказывают неоспоримое влияние на мейнстрим, и происходит конвергенция культур (Alba, Nee 1997: 826–874). Альба и Ни считают, что теория ассимиляции вполне применима и имеет право оставаться частью социологического аппарата, особенно когда исследования касаются новых волн миграции. Они также утверждают, что не следует менять терминологию, поскольку на базе теории ассимиляции накоплено много социологических знаний. Продолжение традиции изучения миграции в рамках этой теории позволяет проводить сравнительные исследования «старой» и «новой» миграционных волн, что может дать полезный материал.

Альба и Ни — не единственные ученые, поддерживающие возрождение этого направления в социологической науке. Так, например, Е. Моравска также считает, что именно ассимиляция в парсонсовском смысле (в рамках теории модернизации) дает наиболее эффективный инструмент для изучения этнических групп. Она трактует теорию ассимиляции шире, чем более ранние работы по этой теме. Моравска не считает процесс ассимиляции единственным и неизбежным способом включения индивида в принимающее общество, но полагает, что эта теория дает более удобную рамку исследования способов и уровней инкорпорации этнических групп в доминирующее общество, чем культурный плюрализм (Moravska 1994: 76–87).

Следует заметить, что фактор этничности в исследованиях подобного рода не несет никакой дискриминационной нагрузки. Степень успешности интегра-

ции представителей разных этнических групп никаким образом не связана с их врожденными интеллектуальными способностями. Речь идет о том, что разная социальная структура этих групп и способы, с помощью которых они встраиваются в принимающее общество, обеспечивают неодинаковую успешность представителей первого и второго поколения с образовательной и карьерной точки зрения. При этом каждая этническая группа выбирает свой уникальный способ адаптации, и успешные модели могут принципиально различаться (Jensen 2001: 21–56). Все вышесказанное также не отменяет того факта, что отдельные индивиды могут добиться большого успеха, даже если они принадлежат к этнической группе, чей способ адаптации в целом не очень успешен (Perlmann, Waldinger 2004: 893–922).

Так, например, исследователи этого направления отмечают, что семьи из юго-восточной Азии строят воспитание детей таким образом, чтобы нацелить их на успех, что приводит выходцев из этих стран к лучшим успехам, чем детей американцев (Hirshman, Wong 1986: 1–37) Дети латиноамериканского происхождения, напротив, менее академически успешны. Причина этого, как утверждают ученые, кроется в ассимиляции в криминализованные группы в крупных городах. В упомянутом выше исследовании Портеса и Румбо «Legacies» этому вопросу уделяется особое внимание. Исследователи делают вывод о том, что при всех способах анализа национальность или этничность выступает как сильный предиктор успешности адаптации.

Также авторы выделяют три типа ресурсов, которыми могут пользоваться мигрантские сообщества. Первый тип — это государственные программы, особенно часто этот способ помогает политическим беженцам. Например, многие дети кубинских мигрантов получили высшее образование в рамках специальной квоты. В результате сейчас среди второго поколения кубинцев высок процент образованных людей среднего класса. Во-вторых, часть иммигрантов избежала предвзятого отношения к себе принимающего общества. Обычно это европейцы, бежавшие от политического преследования в странах коммунистического блока во времена холодной войны. В эту категорию входят, например, чехи и венгры, уехавшие после 1968 г., а также советские евреи. Третий, самый важный ресурс, это сплоченность самой этнической группы. Если группа мигрантов поддерживает сильные связи внутри своего сообщества, а также достаточно экономически диверсифицирована, то она производит достаточно много ресурсов, которыми может пользоваться второе поколение (Child 1943). Помимо материальных ресурсов, это моральная поддержка общины. Также здесь можно привести такие примеры, как существование этнических школ, клубов, объединяющих молодежь, а также возможность работать в малом этническом бизнесе, не требующем высокого уровня квалификации (Brettell, Altstadt 2007: 383–397). Для тех подростков, которые не могут преодолеть образовательный разрыв со своими родителями за одно поколение и не становятся профессионалами, успешным методом противостояния понижающейся мобильности становится этнический бизнес (Gans 1992: 173–192). Как показывают исследования, этнический бизнес в Америке характерен для китайцев, корейцев, кубинцев и выходцев из Восточной Индии (Model 1992: 63–82).

Теория сегментной ассимиляции

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в Америке возникла новая теория адаптации детей мигрантов, которую разработали Алехандро Портес и Рубен Румбо в ходе работы над лонгитюдным проектом «Дети мигрантов» («Children of Immigrants Longitudinal Study», CILS). Целью исследования было выяснить, как происходит адаптация школьников, оказавшихся в ценностном отношении между национальной культурой своих родителей и американскими представлениями об успехе.

Результаты этого проекта были изложены в книге «Legacies: The story of the Immigrant Second Generation» («Наследство: истории детей мигрантов») (Portes, Rumbaut 2001). Теория сегментной ассимиляции, которую создали Портес и Румбо, опираясь на свой уникальный эмпирический материал, заключается в том, что дети мигрантов попадают в определенные сегменты принимающего общества, а не в мейнстрим. При этом Портеса особенно интересует феномен «нисходящей мобильности», когда представители второго поколения бросают школу, попадают в банды и т. д. (Portes 1997: 799–825). По мнению Портеса и его коллег, вопрос заключается не в том, сумеет ли человек ассимилироваться в американское общество, а в том, в какую его часть он попадет (Portes, Fernarndez-Kelly, Haller 2005: 1000–1040). Для успешной адаптации существует много опасностей: это и дискриминация, и растущее неравенство, и высокий процент маргинализованного населения в городах, куда в основном попадают мигранты (Portes, Rumbaut 1996).

Портес вместе со своими соавторами М. Чжоу и Р. Румбо полагают, что ассимиляция происходит различным образом в разных группах мигрантов. Они утверждают, что «становление американцем» может быть как тяжелым, травматичным опытом, так и быстрым, успешным процессом. По мнению этих исследователей, сложность ассимиляции зависит как от личных качеств человека, так и от условий окружающей его среды (Portes, Zhou 1993: 74–96). Сторонники этой теории считают, что важно перестать трактовать ассимиляцию (и адаптацию) как единый процесс, через который проходят все мигранты и их дети в одинаковой степени (традиция, идущая от Р. Парка). Мигранты, стремясь к тому, чтобы если не они сами, то хотя бы их дети принадлежали к обеспеченному среднему классу, переезжают в Америку и сталкиваются с очень разными социальными условиями. На адаптацию их самих и их детей влияют такие факторы, как наличие или отсутствие у них материальных ресурсов и навыков, а также их положение в отправляющем обществе (Foner 2000). Эти факторы можно отнести к характеристикам самих мигрантов (Borjas 1994: 553–573). Кроме того, существует ряд особенностей принимающего общества (в данном случае речь идет об Америке, но эти характеристики могут быть экстраполированы и на европейские примеры). К этим особенностям относится расовая дискриминация, трудности интеграции в школы (First, Carrera 1988), изменение структуры рынка, маргинализация и криминализация части молодежи в крупных городах (Sullivan 1989).

Влияние премиграционного статуса на адаптацию

В рамках теории сегментной ассимиляции существуют исследования, указывающие на то, что мигранты не только встраиваются в определенный сегмент принимающего общества, но и относятся к определенному сегменту отправляющего, что оказывает значительное влияние на процесс ценностной адаптации, особенно у детей-мигрантов, но также и у взрослых (Feliciano 2006: 281–303). Так, например, уезжают из своих стран далеко не все, а только представители определенной части отправляющего общества, те, кто мотивирован уехать, или те, кто вынужден бежать. Также во многих странах законодательство не позволяет уехать всем желающим, а только некоторым. Миграция обычно вызвана определенными причинами в отправляющем обществе (push-factors). Это могут быть сложные экономические условия, политический режим, преследования по религиозному или этническому признаку и т. д. (Massey 1999: 34–52). Также большое значение имеет то, почему мигранты предпочитают определенную страну для переезда (pull-factors): это могут быть традиционные паттерны миграции, как, например, из Мексики в США, или законы принимающей страны, позволяющие легко легализоваться (Rumbaut 1997: 3–46).

Есть основания полагать, что люди стремятся иммигрировать в те общества, где нормы и ценности приемлемы для них, и принимают такое решение не только исходя из экономических соображений (имеется в виду долгосрочная, а не трудовая или маятниковая миграция). Принимая во внимание эти данные, мы можем предположить, что мусульманские мигранты в европейских странах могут быть более гибки в своих нормах и ценностях, чем их соотечественники, оставшиеся в родных странах (Massey et al. 2005).

Существует значительный пласт литературы, где исследуются причины выбора той или иной страны для иммиграции (pull factors). Экономическое процветание, эффективность правовой системы, возможность получения хорошего образования и высококачественной медицинской помощи — это некоторые из них. Исследования показывают, что общее колониальное прошлое, которое ведет к схожести образовательных систем, а также лингвистической и культурной гегемонии развитых наций на территориях их бывших колоний, также является мощным предиктором распределения миграционных потоков. Кроме того, ряд ученых замечает, что решаются на эмиграцию не все люди, а более мотивированные и активные, нередко обладающие лучшим образованием и желанием учиться новому (в том числе языку). Таким образом, в дополнение к другим причинам, имеет место самоотбор (Constant, Massey 2003: 631–653).

При этом дискуссия о том, лучшие уезжают из своих стран или худшие, не прекращается в академических кругах уже многие годы. Например, Борхас полагает, что «качество» мигрантов постоянно падает, и сейчас приезжают все более низкоквалифицированные и малообразованные люди, которые не приносят пользы американской экономике (Borjas 1990). Дж. Перлманн, наоборот, в своей книге отмечает, что во времена второй волны миграции многие ученые описывали вновь прибывших европейцев как малограмотных крестьян, неспособных ассимилироваться в американское общество. Перлманн считает, что такая позиция основана не столько на эмпирических доказательствах, сколько

на предрассудках (Perlmann 2005). Сравнивая нынешнюю ситуацию с опытом «великой миграции», он делает вывод о том, что современные мигранты также успешно ассимилируются через несколько поколений. Несмотря на существование ряда исследований, изучающих премиграционные характеристики и их влияние на адаптацию в принимающем обществе, этот аспект остается недостаточно изученным (Rumbaut 1999).

Мультикультурализм — либеральный поворот в отношении этничности

После Второй мировой войны и Холокоста вопрос межэтнических отношений встал в Европе очень остро. Общество нуждалось в переосмыслении произошедшего и глубоком понимании причин, из-за которых стали возможны этнические чистки и геноцид. Одновременно с этим началась борьба европейских колоний за независимость, что значительно изменило политическую ситуацию в целом и также заставило европейцев пересмотреть свое отношение к мигрантам (Rumblom 1994: 623–640).

В США рост мультикультуральных настроений был связан с борьбой за права чернокожего населения в 1960-е гг., в ходе которой идеи ассимиляции подверглись жесткой критике. С конца 1960-х борьба за права чернокожего населения США является важной частью общественной жизни, что привело к существенному, хотя и не полному уравнению в правах граждан Америки. В 1990-е гг. американский мультикультурализм привел к очень значительным переменам, заметным даже с лингвистической точки зрения. Был сформирован политически корректный язык, структуры которого не ущемляют прав различных групп (Spencer 1994: 547–567).

Как пишет У. Кимлика, в конце 1980-х гг. наметился поворот политики многих западноевропейских государств в сторону либерального национализма. Согласно этой концепции, поддержка местных национальных групп, их языков и культуры в границах страны является легитимной и обязательной функцией государства (Kymlicka 1998: 143–157). При этом речь в первую очередь идет о коренном населении, принадлежащем не к той же этнической группе, что большинство. Для этих целей используются институциональные меры, как, например, государственная поддержка языков меньшинств в средствах массовой информации и в школах, а также расширение политических прав этих групп (независимые парламенты и т. д.). Отличия либерального национализма, по сравнению с национализмом этническим, заключаются в нескольких положениях.

Во-первых, в государстве делопроизводство, вещание в СМИ, обучение и т. д. ведутся на языке одной (обычно самой крупной) этнической группы. Культура и религия этой группы также является определяющей при выборе государственных праздников, гимна, герба и других символов и атрибутов государства. При этом этнические меньшинства имеют право присоединяться или не присоединяться к этим праздникам, а также отмечать свои. Во-вторых, индивид сам определяет свою национальную идентичность: его вероисповедание, цвет кожи, происхождение, родной язык и т. д. не имеют значения для государства. Если некто причисляет себя к той или иной национальности, это является

достаточным основанием для того, чтобы его таковым признать. В-третьих, этнические меньшинства при либеральном национализме обладают широкими политическими правами вплоть до признания законным их стремления к отделению и образованию собственного государства. Это не обязательно воспринимается доминирующим обществом как нелояльность.

Принципиальной особенностью либерального национализма является его неагрессивность. Так, по отношению к этническим меньшинствам не применяется никаких дискриминирующих законов. Этнические группы включаются в публичное пространство, обладают собственными политическими и медиа ресурсами. Они имеют право на собственную символику, представительство в парламенте и т. д. Требования натурализации в отношении мигрантов существуют, но они относительно невысоки. От лиц, желающих присоединиться к доминирующему обществу, требуется базовое знание языка и истории этой страны. При этом не требуется смены религии, имени и т. д.

Целью доминирующей культуры не является ассимиляция меньшинств и создание этнически гомогенного общества. Существование этнических и культурных различий признается и не воспринимается как проблема. Принимается идея многонационального государства, где все этнические группы, проживающие на его территории, имеют равные права и возможности.

Мультикультурализм напрямую связан с концепцией либерального национализма и развивает ее в отношении мигрантов, перемещенных лиц, беженцев, различных религиозных групп, а также других групп, отличия которых от мейнстрима требуют формирования определенной государственной позиции (здесь речь в первую очередь идет об инвалидах и людях нетрадиционной сексуальной ориентации).

В предисловии к книге «Multiculturalism Backlash» («Неудача транснационализма») ее составители, известные социологи С. Вертовец и С. Вессендорф, описывают современное понимание термина «мультикультурализм» и причины, по которым эта концепция стремительно теряет популярность в настоящее время. Термин «мультикультурализм» весьма расплывчат, и определить его, как считают авторы книги, легче всего через его проявления в социальной жизни (Vertovec, Wessendorf 2010: 1–32). Во-первых, это признание этнических меньшинств и поддержка их организаций, а также включение этих организаций в институты общества. Во-вторых, это поддержка языка и культуры меньшинств, создание возможности получения образования хотя бы частично на языке меньшинства. В-третьих, это уважение к национальным обрядам, религиозному культу и пище, предоставление возможности питаться согласно религиозным предписаниям (халяль, кошер, вегетарианская пища и т. д.). В-четвертых, это внесение в законы страны допущений для отдельных религиозных и этнических групп (так, в некоторых европейских странах сикхи могут носить тюрбан вместо мотоциклетного шлема). И в-пятых — это создание позитивного образа меньшинств в СМИ и препятствование различным формам дискриминации.

Начиная с 1980-х гг. этот подход приобрел большую популярность в Европе и ряде других стран, — например, в Канаде мультикультурализм был провоз-

глашен официальной политикой государства. Однако в последние годы у этой концепции появилось много противников. В 2000 г. профессор Тильбургского университета Пол Шеффер опубликовал статью «Мультикультурная драма», позже переработанную в книгу, в которой отметил, что большинство детей, не сумевших окончить школу в Нидерландах, — это представители этнических меньшинств (Scheffer 2011). Он также заметил, что среди мигрантов слишком велико количество безработных, но политика мультикультурализма не позволяет правительству обращать внимание на эти факты. Эта публикация положила начало широкому общественному и научному обсуждению проблем мультикультурализма.

В сентябре 2001 г., после террористической атаки в Нью-Йорке, проблема встала очень остро, поскольку мусульмане составляют значительный процент от всех мигрантов в Европе. И в Америке, и в Европе поднялась волна ксенофобии по отношению к мусульманскому населению. В 2010 г. произошел скандал в Германии, когда берлинский сенатор Тило Саррацин опубликовал книгу «Германия. Самоликвидация», где он описывает опасность растущего мусульманского населения для будущего Германии. По его мнению, политика мультикультурализма ведет к снижению образовательного уровня в стране (Sarrazin 2010). Идеи Саррацина нашли широкую поддержку у населения Германии. Через несколько недель после этого канцлер Ангела Меркель заявила, что проведение политики мультикультурализма не удалось.

Вертовец и Вессендорф приводят основные тезисы противников мультикультурализма, приобретающие в последнее время все большую популярность. Это, в первую очередь, понимание мультикультурализма как гнета политической корректности, когда любое высказывание об этнических или религиозных противоречиях расценивается как расизм. По мнению противников мультикультурализма, это отнимает у общества право на свободу дискуссий и не дает справиться с проблемами, поскольку они замалчиваются. Также многие рассматривают мультикультуральную среду как прекрасную возможность для террористов проводить в жизнь свои планы. При этом, как замечает Энтони Гидденс, критики мультикультурализма зачастую неверно трактуют сам термин, отчего дискуссия принимает ксенофобный и неконструктивный характер (Giddens, Kimmage, Rodolfo 1997: 87).

Транснационализм как теоретическая рамка

Одной из важных современных концепций, объясняющих миграционные процессы, является теория транснационализма, зародившаяся в Европе в 1990-е гг. Суть ее заключается в том, что диаспор и этнических групп в том смысле, в котором о них привыкли рассуждать, больше не существует. С развитием технологий, снижением цен на авиабилеты и телефонные переговоры, а особенно с повсеместным появлением Интернета отъезд родственников в другую страну перестал восприниматься как полный разрыв связей с родиной (Foner 2000: 255–262). Это повлекло за собой изменение всей структуры межнациональных связей. Теперь, как полагают авторы данной теории, следует говорить о транснациональных сообществах или сетях. Транснационализм

связан с теорией мультикультурализма и является скорее новой рамкой, чем кардинальной сменой представлений, как в случае с переходом от теорий ассимиляции к мультикультурализму (Dijkstra, Geuijen, Ruijte 2001: 55–83).

Нина Глик Шиллер, одна из создателей теории, определяет трансмигрантов как людей, чья жизнь сильно зависит от контактов по обе стороны границы. В своей программной статье 1995 г. Глик Шиллер и ее коллеги заявляют, что мигранты, при их включенности в экономику и институты новой страны, тем не менее, не порывают со своей родиной. Они формируют новые экономические и персональные связи между теми двумя странами, между которыми они существуют (Glick Schiller, Basch, Szanton Blanc 1995: 48–63). При этом речь зачастую не идет о фактическом частом перемещении из одной страны в другую, как, например, это происходит в случае с маятниковой миграцией (Newbold 2001: 23–40). Мигранты физически оказываются в новой стране, но при этом их вовлеченность, информированность и заинтересованность в происходящем на родине так высока, что они остаются также и членами отправляющего общества.

Таким образом, концепция транснационализма ставит своей задачей создать новую теоретическую рамку для анализа миграции, где мигрант больше не воспринимается как человек, оторванный от своей страны и вынужденный ассимилироваться или интегрироваться, поскольку к отправляющему обществу он больше не принадлежит. Напротив, мигрант воспринимается в рамках этой концепции как обладатель двух и более идентичностей, включенный в социальную, экономическую, а часто и политическую жизнь нескольких обществ (Bauböck 2003: 700–723).

Инкорпорация мусульманских мигрантов в Европе и США

Интеграция мигрантов в принимающих обществах является очень популярной темой в научных трудах последних десятилетий. Интересно отметить, что в Европе и в США дискуссии по этому поводу сильно различаются. Так, например, уровень религиозности мигрантов воспринимается европейскими исследователями как проблема, особенно если речь идет о мусульманах. На тему исламской миграции в Европу написано несколько тысяч работ, и большинство из них — в алармистском ключе (Buijs, Rath 2002). В то же время американские исследователи полагают, что религиозность может быть смягчающим механизмом, который помогает более успешной адаптации и интеграции мигрантов. Как замечают в своей статье, посвященной различиям в этом дискурсе на двух континентах, Н. Фонер и Р. Альба, в Западной Европе религиозность обычно понимается как проблема, а не как вспомогательный фактор для интеграции мигрантов (Foner, Alba 2008: 360–392). Причиной этого может быть высокий уровень секуляризации в Западной Европе (Van Tubergen, Sindradóttir 2011: 272–288), в то время так США остаются страной, демонстрирующей высокий уровень религиозности для представителей большинства конфессий (Westoff, Frejka 2007: 785–809).

В США существует многовековая традиция инкорпорирования различных религий, культур и этнических групп. В связи с этим в обществе был накоплен

обширный опыт взаимодействия с вновь прибывающими группами населения, причем в религиозном американском обществе верующие люди, пусть даже приверженцы иной конфессии, воспринимаются лучше, чем атеисты. В американской социологической традиции религиозная принадлежность мигрантов часто описывается как механизм защиты молодежи от опасного влияния крупных городов, такого, например, как наркотики или вовлечение в криминальные структуры (Bankston 1996: 18–37). Современные теоретики сегментной ассимиляции считают, что религиозные мигранты легче находят себе место и адаптируются в американском обществе, чем неверующие (Warner 2007: 102–115).

Заключение

Как видно из анализа традиции исследований миграции в США и Западной Европе, эта тема волнует ученых со времен зарождения социологии в современном ее понимании. Уже с 1910-х гг. начали проводиться серьезные эмпирические исследования, которые к 1920-м гг. оформились в рамку теории ассимиляции. Эта теория, однако, оказалась весьма спорной и привела к расколу американской общественности к 1960-м гг. В этот период стали актуальны новые подходы, которые не представляли белое протестантское население как группу, с которой все другие должны ассимилироваться. Появился интерес к различным культурам, языкам, кухне, что привело к появлению новых версий теории ассимиляции, а также кардинальному пересмотру языка для описания культурных и этнических различий. В то же время в Европе изучение миграции началось позже, поскольку само явление не затрагивало стран Старого Света в такой мере, как США, до Второй мировой войны. Полноценное изучение данного явления в европейском контексте начинается с 1970-х гг., когда некоторые страны, испытывая недостаток рабочей силы, стали завозить рабочих из Турции и Арабского Востока. Европейские исследователи вначале стремились применить теорию ассимиляции к своим обществам, но со временем стали разрабатывать собственные подходы, такие как мультикультурализм и транснационализм. Несмотря на то, что все предложенные методы подвергаются серьезной критике, эти теоретические рамки остаются на сегодняшний момент наиболее актуальными в данной области. Вместе с тем интересно отметить, что, несмотря на значительный опыт исследований данной темы на обоих континентах, в том числе совместных, есть некоторые ключевые аспекты, в которых европейские и американские исследователи демонстрируют принципиально разный подход. Например, влияние религиозности на успешность интеграции мигрантов представляется совершенно противоположным в работах европейских и американских социологов. Это оставляет значительный простор для продолжения эмпирических исследований, а также для разработки более консистентной теоретической рамки.

Литература

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Костенко В.В., Савельева С. С., Тенишева К.А. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге (полная версия). М.: Детский фонд ООН — ЮНИСЕФ, 2012.

Вишневский А.Г. Мифология и жизнь. Миграция в России: ее восприятие и социально-политические последствия // Россия в глобальной политике, 2013, 11, спецвыпуск, с. 199–208.

Зайончковская Ж.А., Переведенцев В.И. Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: СО АН СССР, 1964.

Заславская Т.И., Рыбаковский Л.Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования, 1978, 1.

Миграция в России. 2000-2012. Хрестоматия в 3 тт. / Сост.: Н. В. Мкртчян, Е. В. Тюрюканова; отв. ред.: Ж. А. Зайончковская. Т. 1. Ч. 1. М.: Спецкнига, 2013.

Мукомель В.И. Политика интеграции. М.: Фонд «Новая Евразия», 2012.

Переведенцев В.И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, 1966.

Рыбаковский Л.Л. Исследования миграции населения в России // Социология в России / под ред. В.А. Ядова, М.: На Воробьевых, 1996. С. 215–235.

Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал: критерии оценки и современные масштабы // Социологические исследования, 2011, 4, с. 23–34.

Хорев Б.С, Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978.

Alba R., Nee V. *Remaking the American mainstream: assimilation and contemporary immigration*. Harvard: Harvard University Press, 2003.

Alba R., Nee V. Rethinking assimilation theory for a new era of immigration, *International migration review*, 1997, 31(4), pp. 826–874.

Bankston C. The Ethnic Church, Ethnic Identification, and the Social Adjustment of Vietnamese Adolescents, *Review of Religious Research*, 1996, 38(1), pp. 18–37.

Bauböck R. Towards a Political Theory of Migrant Transnationalism, *International Migration Review*, 2003, 37(3), pp. 700–723.

Borjas G. *Friends or Strangers: The Impact of Immigrants on the U.S. Economy*. New York: Basic Books, 1990.

Borjas G. Long-Run Convergence of Ethnic Skill Differentials: The Children and Grandchildren of the Great Migration, *Industrial and Labor Relations Review*, 1994, 47(4), pp. 553–573.

Brettell C.B., Altstatt K.E. The Agency of Immigrant Entrepreneurs: Biographies of the Self-Employed in Ethnic and Occupational Niches of the Urban Labor Market, *Journal of Anthropological Research*, 2007, 63(3), pp. 383–397.

Buijs F.J., Rath J. *Muslims in Europe: The State of Research*. (Essay prepared for the Russell Sage Foundation). New York City, 2002 [http://www.janrath.com/downloads/@RSF%20European%20Research%20on%20Islam%20and%20Muslims.pdf].

Child I.L. *Italian or American? The Second Generation in Conflict*. New Haven: Yale University Press, 1943.

Constant A., Massey D. Self-Selection, Earnings, and Out-Migration: A Longitudinal Study of Immigrants to Germany, *Journal of Population Economics*, 2003, 18(4), pp. 631–653.

Denisenko M.B. Russia’s Population until 2025, in: *Russia 2025: Scenarios for the Future*, ed. by M. Lipman, N. Petrov. L.: Palgrave Macmillan. 2013. Ch. 4, pp. 86–105.

Dijkstra S., Geuijen R., Ruijte A. de. Multiculturalism and Social Integration in Europe, *International Political Science Review*, 2001, 22(1), pp. 55–83.

Feliciano C. Beyond the Family: The Influence of Pre-migration Group Status on the Educational Expectations of Immigrants’ Children, *Sociology of Education*, 2006, 79(4), pp. 281–303.

First J.W., Carrera J.W. *New Voices: Immigrant Students in U.S. Public Schools*. Boston: National Coalition of Advocates for Students, 1988.

Foner N. Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture, *International Migration Review*, 2000, 34(1), pp. 255–262.

Foner N. *From Ellis Island to JFK: New York's Two Great Waves of Immigration*. New Haven: Yale University Press, 2000.

Foner N., Alba R. Immigrant religion in the US and Western Europe: Bridge or barrier to inclusion?, *International Migration Review*, 2008, 42(2), pp. 360-392.

Gans H. Second Generation Decline: Scenarios for the Economic and Ethnic Futures of the Post-1965 American Immigrants, *Ethnic and Racial Studies*, 1992, 15(2), pp. 173–192.

Giddens A., Kimmage D., Rodolfo K. Global Newsstand: Essays, Arguments, and Opinions from Around the World, *Foreign Policy*, 1997, 163, pp. 86–90.

Glazer N., Moynihan D. *Beyond the Melting Pot, Second Edition: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City*. Cambridge: MIT Press, 1970.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc C. From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration, *Anthropological Quarterly*, 1995, 68(1), pp. 48–63.

Gordon M. *Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origins*. New York: Oxford University Press, 1964.

Hirshman C., Wong M.G. The Extraordinary Educational Attainment of Asian-Americans: A Search for Historical Evidence and Explanations, *Social Forces*, 1986, 65, pp. 1–37.

Jensen L. The Demographic Diversity of Immigrants and Their Children, in: *Ethnicities: Children of Immigrants in America*, ed. by R.G. Rumbaut and A. Portes. New York and Berkeley: Russel Sage and the University of California Press, 2001, pp. 21–56.

Kymlicka W. Introduction: An Emerging Consensus?, Special Issue: Nationalism, Multiculturalism and Liberal Democracy, *Ethical Theory and Moral Practice*, 1998, 1(2), pp. 143–157.

Massey D.S. Why Does Immigration Occur? A Theoretical Synthesis, in: *The Handbook of International Migration: the American Experience*, ed. by C. Hirschman, P. Kasinitz & J. De Wind. New York: Russell Sage, 1999, pp. 34–52.

Massey D.S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A, Taylor E.J. *Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium*. New York: Oxford University Press, 2005.

Model S. The Ethnic Economy, *The Sociological Quarterly*, 1992, 33(1), pp. 63–82.

Moravska E. In Defense of the Assimilation Model, *Journal of American Ethnic History*, 1994, 13, pp. 76–87.

Newbold B.K. Counting Migrants and Migrations: Comparing Lifetime and Fixed-Interval Return and Onward Migration, *Economic Geography*, 2001, 77(1), pp. 23–40.

Park R.E. Race and Culture. Glencoe: Free Press, [1913]1950.

Pedraza S. Introduction from the Special Issue Editor: The Sociology of Immigration, Race, and Ethnicity in America, *Social Problems*, 1994, 41(1), pp. 1–8.

Pedraza S., Rumbaut R.G. Origins and Destinies: Immigration, Race, and Ethnicity in America. Belmont: Wadsworth, 1996.

Perlmann J. *Italians then, Mexicans now*. New York: Russel Sage, 2005.

Perlmann J., Waldinger R. The Second Generation Decline? Immigrant Children Past and Present a Reconsideration, *International Migration Review*, 2004, 31(4), pp. 893–922.

Portes A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities, *International Migration Review*, 1997, 31(4), pp. 799–825.

Portes A., Fernarndez-Kelly P., Haller W. Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood, *Ethnic and Racial Studies*, 2005(28), pp. 1000–1040.

Portes A., McLeod S., Parker R.N. Immigrant Aspirations, *Sociology of Education*, 1978, 51, pp. 217–237.

Portes A., Rumbaut R.G. *Immigrant America: A Portrait*. Berkeley: University of California Press, 1996.

Portes A., Rumbaut R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley: University of California Press, 2001.

Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 1993, 530, pp. 74–96.

Reimers, D.M. *Still The Golden Door: The Third World Comes To America*. New York: Columbia University Press, 1985.

Rumbaut R.G. Assimilation and Its Discontents: Ironies and Paradoxes, in: *The Handbook of International Migration: the American Experience*, ed. by C. Hirschman, P. Kasinitz & J. De Wind. New York: Russell Sage, 1999, pp. 172–195.

Rumbaut R.G. Ties that Bind: Immigration and Immigrant Families in the United States, in: *Immigration and Family: Research and Policy on U.S. Immigrants*, ed. by A. Booth, A. Crouterand, N.S. Landale. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997, pp. 3–46.

Rumblom H. Swedish Multiculturalism in a Comparative European Perspective, *Sociological Forum*, 1994, 9(4), pp. 623–640.

Sarrazin T. *Deutschland schafft sich ab*. Berlin: Deutsche Verlags Anstalt, 2010.

Scheffer P. *Immigrant Nations*. New York: Wiley, 2011.

Spencer M.E. Multiculturalism, "Political Correctness," and the Politics of Identity, *Sociological Forum*, 1994, 9(4), pp. 547–567.

Sullivan M. *Youth Crime and Work in the Inner City*. New York: Cornell University Press, 1989.

Thomas W.I., Znaniecki F. *The Polish Peasant in Europe and America*. Vol. 2. University of Illinois Press, 1996 [1918].

Van Tubergen F., Sindradóttir J.Í. The Religiosity of Immigrants in Europe: A Cross-National Study, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2011, 50(2), pp. 272–288.

Vertovec S., Wessendorf S. Introduction: assessing the backlash against multiculturalism in Europe, in: The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices, ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. London: Routledge, 2010, pp. 1–32.

Warner W.L., Srole L. *The Social Systems of American Ethnic Groups*. New Haven: Yale University Press, 1945.

Warner R.S. The role of religion in the process of segmented assimilation, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2007, 612(1), pp. 102–115.

Westoff C.F., Frejka T. Religiousness and Fertility among European Muslims, *Population and Development Review*, 2007, 33(4), pp. 785–809.